

**«ЯМСКАЯ СЛОБОДА» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:
ТОПОСЫ СТЕПНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Дырдин А. А.

Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

А н н о т а ц и я. В статье на материале повести Андрея Платонова «Ямская слобода» (1927) исследуются пространственные идеи писателя в их символично-смысловом содержании. Цель статьи – выявить семантическое значение образа степи, связанного с внутренней жизнью героев, на основе современных трактовок понятий «топос» и «локус». Изучается диалогическое взаимодействие поэтических и философских форм мышления, которое составляет основу авторского стиля. Художественный мир повести интерпретирован на основе диахронических принципов исторической поэтики. Анализируются образ Филата и основные топосы повести: «степь», «степной народ», «кроткий человек», «возвращение в родное место». Предлагаемая методика анализа позволяет выявить устойчивые мифопоэтические и автоинтертекстуальные конфигурации пространственной картины мира. Интерпретация «Ямской слободы» на основе феноменологии пространства убеждает, что интенсивные микро-топосы, топосы-ситуации, риторические фигуры являются импульсами развития индивидуальной топосферы Платонова, связанной с национальным сознанием. Топосы степи организуют сюжетную структуру повести. В них намечается возможность восстановления социального и природного единства человека. Воспроизведение целого (связи физического и духовного) в его частях (характерах, образах природы и бытовых картинах) стало доминирующим законом композиции и содержательной формы «Ямской слободы». Связь индивидуальных свойств души главного героя повести и ценностных оснований народно-исторического бытия характеризует своеобразие художественного пространства Платонова. В повести актуализирована национальная топика: многовековой запас мотивов, сюжетов, мифологем. С помощью топосов степи будничные явления, образы памяти и феномены коллективного сознания Платонов переводит в идейно-философский план, опираясь на внутренний мир человека как его средоточие.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественное пространство; топосы; степной текст; топосфера; Ямская слобода; чувство пространства; духовный смысл; культурный смысл; степной народ; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; повести.

“YAMSKAYA SLOBODA” BY ANDREI PLATONOV: TOPOI OF THE STEPPE

Alexander A. Dyrdin

Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

A b s t r a c t. The paper investigates the symbolic-semantic content of the spatial ideas of Andrei Platonov formulated in his novel “Yamskaya Sloboda” (1927). The aim of the study is to assess the semantic significance of the image of the steppe associated with the inner life of the characters, based on modern interpretations of the concepts of “topos” and “locus”. The paper looks at the dialogical interaction between poetic and philosophical forms of thinking, which makes up the basis of the author’s style. The artistic world of the novel is interpreted on the basis of the diachronic principles of historical poetics. The study analyzes the personage of Filat and the main topoi of the story: “steppe”, “steppe people”, “humble person”, and “return to his native place”. The suggested method of analysis allows to identify stable mythopoetic and autointertextual configurations of the spatial worldview. The interpretation of the “Yamskaya Sloboda” in the light of the phenomenology of space convinces that intense micro-topoi, topoi-situations, and rhetorical figures serve as impulses for the development of Platonov’s individual toposphere associated with national consciousness. The topoi of the steppe organize the plot structure of the story. They outline the possibility of restoring the social and natural unity of man. The reproduction of the whole (connection between the physical and spiritual) in its parts (characters, images of nature and everyday scenes) became the dominant law of composition and semantic form of the “Yamskaya Sloboda”. The connection between the individual properties of the soul of the protagonist of the novel and the value-based foundations of popular-historical existence characterizes the originality of Platonov’s artistic space.

The novel actualizes the national topic: a centuries-old stock of motifs, plots, and mythologemes. With the help of the topoi of the steppe, Platonov translates events, images of memory, and phenomena of collective consciousness into an ideological and philosophical plan, considering the inner world of a person to be its center.

Keywords: artistic space; topoi; steppe texts; toposphere; “Yamskaya Sloboda”; sense of the space; spiritual sense; cultural sense; steppe people; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary images; novels.

Для цитирования: Дырдин, А. А. «Ямская слобода» Андрея Платонова: топосы степного пространства / А. А. Дырдин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 150–161. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-13.

For citation: Dyrdin, A. A. (2021). “Yamskaya Sloboda” by Andrei Platonov: Topoi of the Steppe. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 3, pp. 150–161. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-13.

Введение. Пространственные интуиции Платонова не раз становились предметом критической рефлексии. Принципиальным моментом новых исследований, посвященных этой теме, является сдвиг от общей проблематики к вопросам духовно-символического порядка, от изучения мотивов, сюжетов, элементов художественной формы отдельных произведений к константе творческого сознания – эстетическому чувству пространства. Здесь мы используем этнопоэтический подход, ранее примененный нами при изучении проблемы пространственности в платоновском творчестве [Дырдин 2019: 20–27, 2020: 49–67]. Аспекты пространственной философии Платонова рассмотрены как проявление изоморфизма микрокосма и макрокосма, которым пронизан весь строй его художественной мысли.

Цель нашей статьи – раскрыть смысловое значение образа степи в связи с пространственными представлениями автора и героев «Ямской слободы», опираясь на современные литературоведческие трактовки категории «топос».

Фокус эстетики пространства Платонова – генетическая связь между внутренней жизнью и местонахождением человека. При этом значима суверенность, характерная платоновская способность отстранять стереотипы, творчески используя культурные символы, традиционные образы русской литературы. Платонов изображает бескрайнее пространство России, возводя его к образу степи. Степной простор связывается с духовными контрастами русской души. Образы обитателей в «Ямской слободе» выстроены на основе таких феноменов нравственно-генетического склада русского

народа, как искание правды, кротость и терпение, многоликое юродство. Инициативное начало повествования порождено эпизодической памятью, сохранившей детские воспоминания. Авторская память организует сюжетное движение, побуждаемое пространственными мотивами и лейтмотивами. Платонов обладал умением «обратным ходом по временной оси – путем художественной памяти» [Бочаров 2012: 14] – возвращаться в прошлое. Он выступает как художник, для которого степной простор и национально-исторические смыслы, связанные с этой природной координатой, взаимообратимы. Глубоким знанием повседневной жизни степи и ее насельников обуславливается перемещение точки зрения автора в средоточие народной жизни – в поселение бывших ямщиков, «ушедших в темноту восточных степей заниматься святым хлебопашеством» [Платонов 2016: 212]¹.

Исключительно важны в повести несущие собственные смыслы образы-топосы, которые возникают в диалогическом взаимодействии поэтических и образно-философских форм мышления. С их помощью события и судьбы героев переводятся в творимую Платоновым реальность – в духовно-символическую сферу произведения.

Повесть Платонова довольно часто оказывалась в поле зрения исследователей². Следуя за ходом мысли платоноведов, мы применяем сравнительный метод для раскрытия нюансов авторского простран-

¹ Далее текст повести приводится по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

² См.: [Бочаров 1971; Корниенко 1993, 2005; Дмитровская 1996, 1999, 2000; Баршт 2000; Яблоков 1992, 2004, 2017, 2019] и др.

ствопонимания. Объяснение его сущности начинается с главнейшего вопроса – вопроса о соотносительности моделей пространства и символической наклонности авторской мысли. С помощью топосов и локусов, эксплицированных в тексте, Платонов переводит в культурно-исторический план повседневные явления, образы памяти и феномены массового сознания. Актуализируется национальная топка: многовковой запас мотивов, сюжетов, мифологем. В образной структуре «Ямской слободы» существенны элементы этнокультурного порядка. Именно они определяют преемственные связи Платонова с русской классикой, собственные интенции, определившие широту его художественно-образного мышления.

Стиль повести – фресковый. Это кажущееся хаотичным сложение мифопоэтической символики, существующей в смысловых и референциальных границах топоса «степь». Несколькими мазками создается картина мира, построенная из вертикальных и горизонтальных измерений степного пространства. Платоновым показана мозаика характеров, обнажающих глубинные структуры национального мироощущения. К природной стихии и укладу степной жизни относятся основные топосы «Ямской слободы» – «степные места», «степной народ», «кроткий человек», «возвращение в родное место».

Индивидуальный способ обрисовки обыденной стороны жизни и психологии персонажей объединяет видение Платоновым прошлого и настоящего. Автобиографический и мотивный слои повествования взаимопроникаемы. Из таких открытых прошедшему и – в минимальной мере – будущему, устойчивых в своем смысловом содержании самоценных вербальных рядов, из того, «что вышло исстари и уложилось в характере» [Платонов 2016: 245]¹, составлен сюжет повести. Нравы, естественно-природное пространство обитания тех, кто обречен, по емкому суждению М. Шолохова, «пó миру горе мыкать» [Шолохов 1986: 447], и самого кроткого из них – батрака Филата, Платонов выразил через смутное сознание человека «без памяти о своем род-

стве» (214). Художественное пространство повести формируется бытовыми эпизодами, емкими портретами-зарисовками героев и степными ландшафтами. Эти взаимонаправленные образы резонируют с историей степного края и текущими событиями. Они стянуты в единый идейно-тематический узел.

Соотнесенность вымысла с реальностью, воображаемых картин с местными легендами о ямщиках, которые отправились «глубже в степь, подальше от гонных трактов» (211), стала интенсивным началом платоновского стиля. «Ямская слобода» – типичный случай экстравертной направленности авторской мысли. Степь в ней является национально-специфичным маркером пространства.

В «Ямской слободе» предметом художественного воспроизведения стало бытийно важное для русского этноса «чувство степи». Россия – страна, в жизни которой «сочетаются одновременно: историческая „оседлая“ и „степная“ стихия» [Савицкий 1922: 346], – писал в начале 1920-х годов известный философ-евразиец. Говоря о влиянии природных условий на народный характер, он констатирует: «Лесной и земледельческий на заре своего существования, – народ российский за последние века стал также „степным“» [Там же: 350]². Пространство обитания людей, «износивших жизнь, всех тех, в ком смыкаются вежды над безнадежным сердцем» (246), воплощается в словообразах, метафорических формулах – мини-топосах³, сложившихся у

² П. Савицкий считал «распространение русской народности на степь», ее «политическое и этническое освоение» [Савицкий 1922: 350] переломным фактом отечественной истории.

³ Вопросом о возможности «представить развернутый топос как цепочку мини-топосов задается Ю. Д. Степанов [Степанов 2018]. Определение понятия «топос», употребляемого сегодня в двух значениях, предлагает В. Ю. Прокофьева: «Во-первых, это значимое для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) „место разворачивания смыслов“, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым. Во-вторых, это „общее место“, набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литерату-

¹ Далее текст повести приводится по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Платонова под влиянием ценностно-смысловых установок национальной ментальности, воздействием «степных текстов» русской литературы¹.

Методология исследования. Понятие «топос». Платонов идет по пути переосмысления традиционных сюжетов и образов русской литературы, вводя в текст предметно-ассоциативные формы, порожденные собственным жизненным и творческим опытом. Этот поисковый момент авторского мышления – подтверждение его связей с феноменом русской культуры, который А. М. Панченко означил как «неотчуждаемая топика, имеющая отношение к тому, что принято называть национальным характером» [Панченко 1986: 244]. Наш анализ основан на этом утверждении, на преемственности мирообраза, выработанного русской культурой.

Обычно понятие «топос» связывается с открытым, безграничным пространством, а «локус» – с закрытым [Прокофьева 2005]. Топос не отделен от других риторических категорий², но отличается от концепта и архетипа по коммуникативной функции. Являясь пространственной метафорой, он образует особую словесную реальность, соединяя в себе эстетические и нравственные аспекты образа. На основе «общих мест» воссоздаются важнейшие измерения культуры – устойчивые этнические связи, единство национального сознания.

Творческая история. Сюжет. Намерение написать повесть, в которой отобразятся собственные впечатления, полученные в первые годы нового (XX) век – «детство, 5–8 лет примерно» [Платонов 2013: 199], появилось у Платонова в Тамбове [Корниенко 1993: 202].

«Ямская слобода» соединена с «Чевенгуром», а также с предшествующим ей рас-

ры» [Прокофьева 2005: 13]. О двойном понимании топоса пишет А. Е. Махов. См.: [Махов 2011].

¹ «Степной текст», «степной образ пространства», «степные элементы» повествования – «общее место» работ, посвященных присутствию географического фактора в русской литературе. См., например: [Лотман 1968; Замятин 2005; Пыхтина 2013, 2014] и др.

² Традиционные риторические термины и понятия использует японский платоновед Сусуму Нонака, рассматривая роль метафоры, аллюзии, инверсии и иронии в поэтике Платонова [См.: Нонака 2019].

сказом «Иван Жох» темой «крестьянских отходников», «прямой контаминацией современных (революция и Гражданская война) и исторических аспектов <...> этого национального явления» [Корниенко 2005: 641]. Сближается повесть и с небольшим отрывком «Дикое место» (<1927>, – его первая публикация включена в указанную работу). В нем материализованы локусы города и тюрьмы, имеющие знаковый характер, дополняющие пространственные представления Платонова.

В центр «Ямской слободы» помещен не лесковский степной богатырь, «очарованный» страстотерпец, персонифицирующий волевою стихию народной души. Внутренний мир главного героя – батрака Филата – контрастирует с характером Ивана Жохы из «Дикого места». Натура раскольника, похожего «на крестьянина или мелкого купца» [Платонов 2004: 27], ориентирована на иную ипостась русского характера. Иван Жох – прямая противоположность Филата. Выразителен портрет предводителя раскольничьего войска: «Мужчина лет около сорока, среднего великорусского роста, с темным рябоватым лицом и могучим сухим телом <...>. Особенно надо отметить глаза – черные, с притаенной хитрецой в которых светился отменный характер» [Там же].

Тяготение в даль, движение, вытягивающее пространство по линии безграничных степных просторов, становится точкой отсчета в «Иване Жохе». Степной топос в рассказе Платонова о предводителе раскольничьего войска – придуманном автором двойнике Емельяна Пугачева – создается на основе преданий, воплощающих вечные поиски народом земного рая, Беловодья, Опоньского царства. «Степь сама по себе – одно лихое пространство, но покрытая конем она предлагала человеку вольную жизнь» [Платонов 2004: 33], – таково символическое обобщение писателем волевого чувства, превалирующего в произведениях фольклора и в национальной литературной традиции от А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя до А. А. Блока и М. А. Шолохова.

Русская литература изобилует примерами введения в текст устойчивых форм, вобравших в себя сущностные особенности народного миропонимания. К ним относятся специфическое восприятие и

осмысление «пространства мест»¹ (лес, степь, речные водоразделы), территории обитания народа. У Платонова отношение к пространству выступает в философско-эстетической функции.

Можно ли полагать тяготение Платонова к «опространствованию» изображаемого субъективной особенностью его мировидения или здесь сказывается традиция, этническая «иерархия чувств» [Гачев 1988: 346], константа отечественной ментальности? Оба слагаемых играют созидательную роль, иницируя воскрешение в памяти пространства Русской равнины, индивидуальных локусов «детской родины». Последний словообраз – устойчивый элемент авторского «внутреннего пространства», средство его актуализации. Эта, по определению Е. И. Яблокова, «мотивная конфигурация <...> не только играет роль индивидуального „мифа“, но и ощущается как осязаемый хронотоп» [Яблоков 2019: 159]. С помощью таких образов-топосов Платоновым слагается единство нравственного и художественного в стиле: вокруг этой содержательной формулы собраны многие эмоционально-ценностные начала повести.

Образ народной России, обладающий у Платонова особым духовным потенциалом, локализуется не только в южно-русской степи. Он живет «в бесконечном подсолнечном пространстве» [Платонов 2004: 36], изображенном усложненно, с введением мотивов поисков воли в степи как избавления от гнета еще не изжитой «маеты», когда человек перенесен «из тесноты людских законов в огромное дыхание» [Там же: 33].

В пяти (1-я, 2-я, 6-я, 8-я и 9-я) из девяти главок «Ямской слободы» упомянуты подробности предшествующей жизни участников сюжета. Есть в ней (гл. VIII) отсылки к Библии, в которой, по словам старых ямщиков, «нонешнее время до точности предсказано» (244). Неудачу испытал академик Бегравен, отосланный в южно-русскую степь Екатериной II для составле-

ния поименного списка поселенцев. Его попытки найти «сердцевину степи» (213), привели к появлению выдумки о стоящем в «бугристом месте» – земном пупке. Земной пупок – «земная завязь» – эманация мирового центра, заставочный образ, служащий писателю для okayмления трагической судьбы главного героя значениями, которые восходят к различным религиозно-мифологическим традициям. В повести Платонова данный символ воспринимается как место встречи земли и неба.

Повествование организовано по принципу кольцевой композиции. Филат по ходу развития сюжета перемещается из одного обжитого места в другое. Таково пространство его горькой судьбы. Первое – дом Захара Астахова, второе – хата Игната Порфирыча Княгина, на языке слобожан – Свата, стоящая на краю слободской свалки. Третьим жилым местом героя станет кузница Макара, а в четвертом расположились колодец и круглый сарай – темница для лошади, где она «кружилась на узком месте, таская деревянное водило» (238). Внешне бессобытийный показ психологически однозначного характера Филата сменяется мельканием фигур и эпизодов. То, что представляется случайным, приобретает стереоскопическую глубину. Угол зрения, под которым писатель видит жизнь слободки, расширяет возможность совмещать «юродивость» героя с евангельским идеалом кротости и терпения.

Испытывая «тоску от одиночества и от памяти» (239), Филат постоянно возвращается к жилищу Свата, хотя и там ощущает свое сиротство. Здесь проходит граница степи, слышится тот ее «тоскующий» зов, который звучит как «явственный голос, говоривший малопонятные глухие слова» (239).

Ретроспекция, возвратное движение эмоций персонажа к прошедшему опосредуется топосом «возвращения в родное место». Трактовка традиционных сюжетов русской литературы на эту тему, как правило, связана с пограничным пространством между жизнью и смертью, оппозицией закрытого и открытого пространства. У Платонова такая граница проходит «поперек мира»: здесь сближены отдаленные и близкие части мироздания. Мало того, в сознании Филата, заполненном «грустным воспоминанием, почти не мучительным»

¹ В. Н. Топоров приводит строчки державинского перевода сонета Франческо Петрарки («Задумчиво, один, широкими шагами / Хожу, и меряю пустых пространство мест») [Державин 1953: 343], иллюстрируя понятие «хоры», обозначающее «пространство, промежуток, расстояние, место, область, край, страну, деревню» [Топоров 1983: 237].

(243), они могут соприкоснуться: «Дом же привлекал не одной памятью о прошлом, но и звал уйти за теми, кто ушел из него» (Там же). Плоское пространство посада, размещенного на краю степи, расширяется. Взгляд героя объединен с всеохватным взором повествователя и направлен к небу:

«Небо вызвездило, и Филат внимательно оглядел его. В таком внимании к ночному небу жила старая мечта Филата – заметить звезду в то время, когда она отрывается с места и летит» (235).

Смысловой акцент образа небесной выси подтверждает возможность для Филата-горемыки пробудиться духовно, перейти на новую ступень жизни. Финальная сцена повести противопоставляется ожидаемому исходу. Неизменность протекания жизни «в темноте судьбы» (243) поставлена под сомнение заключительной ремаркой рассказчика: «Миша тронулся. Филат – за ним и забыл закрыть дверь» (251). Образ Миши-гостя – солдата, вернувшегося с фронта, по чьим рассказам можно судить, «что такое война и ее сосущая обездоливающая сила» (234), вносит в платоновский текст дополнительные смыслы. С ним связаны топос войны и сопутствующее ему ощущение человеком внутреннего ничтожества, что «мешает воскреснуть для полной, настоящей, все-сильной жизни» [Платонов 2016: 434]. Будущее обретает пространственное выражение, воплощая идею подвижности рубежа между реальным и отдаленным, чаемым миром, безотрадной жизнью и пространством истинного бытия.

Эстетика и философия пространства Платонова. Топос «степь» в повествовательной структуре «Ямской слободы». Принципы художественной философии Платонова, пространственного мышления соотносятся с современными ему моделями нелинейного пространства (см. об этом: [Дмитровская 1996, 2002; Баршт 2000; Гюнтер 2011; Яблоков 2004, 2017, 2019] и др.).

Отметим, что писатель вступает в сложные отношения с классическим «степным текстом». «Ямская слобода» – редкое явление на фоне прозы писателя конца 1920-х гг. в том смысле, что в ней все нравственно-национальные значения топоса «степь» выявили целостность сознательного и бессознательного в осмыслении

природного жизненного уклада «степного народа», конкретной судьбы бедняка-одиночки, прожившего «нечаянно почти 30 лет» [221]. Это одно из первых крупных произведений Платонова, где показана трагедия личности, отраженная во внешних событиях и формах степного пространства, в его социальном, хозяйственно-бытовом и историософском контексте.

Интенсивный степной топос – точка генерации мыслительной энергии автора, специфическая форма выражения идейной позиции. Платонов исходит из личных воспоминаний, которые преобразуются в сюжет по ходу повествования. В «Заметках», относящихся к началу 1920-х гг., он выразит свое отношение к месту, где появился на свет и вырос, как некому бытийному «урочищу», природному месту пространства:

«Сердце навсегда может быть пораженным похилившийся избенкой на краю деревни, и ты не забудешь, не разлюбишь ее никогда, каким бы ты мудрым и бессмертным потом ни стал, куда бы не ушел» [Платонов 2004: 184].

В мире «Ямской слободы» топос «степь» вмещает и горизонтальный ракурс, и передвижение по вертикали вверх. Пейзажные эскизы соединяют образы незамкнутого пространства: «нижнего» и «верхнего». Картина жизни степного мира у Платонова художественно завершена:

«Постепенно – навстречу лету – всходила трава и наряжалась в свои цветы молодости. ... вдруг застеснялись и наскоро укрылись листвою. Почва запахла тревожным возбуждением, будто хотела родить особенную вечную жизнь, и луна сияла – как огонь на могиле любимых мертвецов, как фонарь над всеми дорогами, на которых встречаются и расстаются люди» (239).

Изображая земные просторы в традиционных «замерах» степного мира, Платонов в одном лирико-философском пейзаже собрал знаковые для него образы-локусы. Степной сад, почва как плодородный слой земли, луна, замещающая солнце в ночное время, дорога, родные могилы – устойчивые элементы топики Платонова. Смысловое наполнение образов определяет повышенную экспрессию описаний степных мест, кажущихся «пустыми и страшными» (211). Пространство локализовано в границах монотонного ландшафта. Тяжко, исподволь открывается навстречу внешнему пространству «на все согласный, норовистый, натерпевшийся народ» (211), который

рассеян «по девственным степям», расположенным «между южным морем и Москвой» (211).

Герои «Ямской слободы» теряют ориентацию в пространстве:

«Вдалеке – в розвальнях, по следам старого степного тракта – ехал одинокий мужичок в свою деревню, и его заволакивала ранняя тьма. И Филат бы сел к нему в сани, доехал до дымной теплой деревни, поел бы шей и уснул на домашних полатях, позабыв вчерашний день. Но мужичок уже скрылся далеко и видел свет в окне своей избы» (249).

Текст «Ямской слободы» окрашивается пафосом нерадостного существования¹. Воплощает его Филат – трансформированный тип «маленького человека», открытый Н. М. Карамзиным и ставший сквозной темой русской литературы.

В «Ямскую слободу» вошел целый ряд картин жизни степи, которая оканчивается «порожним местом», «где стояла старая хата вольного мастерового Игната Княгина, по-уличному – Сват» (222). Показу событий аккомпанируют описания степных просторов, неба, растительного мира. Все они – отображение авторского чувства, раскрывающего переходы от внешнего к внутреннему измерению степного бытия. Платонов ведет рассказ по тонкому контуру, то развертывая пейзажные картины, то интериоризуя пространство, сводя его к проявлениям душевных движений. Страдание, терпение, психология жертвы, ощущение плотского «изъяна», контрастирующие с сильными проявлениями характера, волевым началом, – слагаемые внутреннего мира Филата-батрака. Они, становясь векторами платоновского постижения души героя, резонируют с жизнью природы. Уместно привести в этом месте суждение платоноведа, о том, что тоска в творчестве Платонова «сама обладает свойством пространственного движения, перемещения. Она должна связать мир свой и иной, чтобы человек достиг искомой полноты» [Дмитровская 2000: 25].

В. Г. Распутин, определяя социально-этическую, психологическую и религиоз-

ную константу творчества Платонова, скажет: «главная и всеобъемлющая его тема – скорбь по миру и человеку» [Распутин 2015: 598]. «Апория бытия и мышления, жизни и мысли, утопических реалий и тотальной коллективной аскетики и мира человеческого сердца становится в творчестве писателя источником коммуникативного динамизма» [Огнев 2020: 47], – так охарактеризовано современным философом своеобразии идейного конфликта в платоновской прозе. «Ямская слобода» выделяется на фоне других произведений Платонова 1920-х – 1930-х гг. в том плане, что в ней символика степи основана на суггестивной речевой конструкции «мыкать горе» [ср.: Шолохов 1986: 447], отражающей реальные судьбы героев повести. Перед нами сплав восприятия и оценки тех исторических поворотов, какие переживаются участниками событий

Все изображенное в повести опосредовано представлениями о Несчастье, Доле, Горе-Злочастию, имеющими народно-поэтические истоки. Платонов трансформирует известный фольклорный сюжет, перешедший в арсенал литературы. Топос степи относится к разряду топосов, проецирующих в пространство текста духовные ценности, компоненты национальной самобытности и формы их бытования. В «Ямской слободе» реализована повествовательная стратегия, которая состоит в подключении символических смысловых контекстов, представляемых культурной традицией. Мотив сопричастности человеческому горю и мукам присутствует в Св. Писании. Братом всех верящих в Христа и соучастником в скорби и терпении называл себя Ионн Богослов². Наличие этого христианского топоса-мотива у Платонова необыкновенно важно. Узнаваемый в глубинном слое авторского сознания он становится символическим средством выражения нравственной позиции писателя.

Если развернуть семантику библейского топоса-лексемы «скорбь» для истолкования темы повести в метанарративном ракурсе, то можно обнаружить отступление Платонова от национальной модели жизненного пространства. Русской картине

¹ Это чувство характеризует трагическое одиночество самого Платонова, в полной мере испытавшего в советскую эпоху свое биографическое и творческое отчуждение.

² См. Откр. 1, 9.

мира прежде всего присуща направленность за пределы обжитого, познанного мира. У Платонов этот топос преодоления границы способен вбирать в себя множество значений. Он служит их собиранию, «стягиванию» в единый смысловой узел, в котором проявляется пространственность авторского мышления. Единство художественного пространства достигается Платоновым на путях последовательного расширения символического поля степной топики, которая разворачивает повесть в сторону национально-исторического самосознания.

Через степной топос образному ряду повести придается особая эмоциональная выразительность. Степь у Платонова – основная детерминанта духовно-нравственного мира персонажей. Неизменность их внутренних состояний порождена интуицией единой исторической судьбы. Его жизнь проходит в пустом пространстве, приближающем социальную энтропию. Этот порядок бытия обуславливается беспросветной нищетой, бесцельностью существования в пространстве степи. Поддерживает этот порядок жизни героев постоянство действий природы, которое не нарушается даже летом:

«<...> лето было длинно и прекрасно, но не злило землю до бесплодия, а открывало всю ее благодетельность и помогало до зимы вполне разродиться» (217).

В одной из платоноведческих работ отмечалось, что образ степи у Платонова (анализ строился на материале «Чевенгура») близок таким расположениям, как простор, даль, пространство. «Простор и ровность вызывали душевное беспокойство и тоску, но вместе с тем безграничность и равнинность степи рождало в человеке ощущение широты и силы, томление по воле, разгулу» [Бердникова 2004: 96], – констатирует исследователь. Природные стихии могут заполнять собой различные пространства, а их смысловое выражение неосуществимо без участия человека, его телесного, плотского состава. Воссоздание реальных событий и движений человеческой души у Платонова во многом «привязано» к той местности и к тому месту в ней героев с их инстинктами и сознанием, которые опосредуются внешним пространством.

Основные атрибуты топоса степи Платонов сосредоточил в I главке повести. Здесь

и «степные места», стоящие «пустыми и страшными», «степная пустошь», «степной народ», «степной тракт» (212), «степной ямщицкий промысел», «восточные степи» (212), и «степные ямщики» (212) «степняки», «степной путь» (213). Во вступительной трехстраничной части «Ямской слободы» собраны все или почти все словесные формулы, представляющие главный степной топос.

Замечателен и другой «заставочный» образ – содержательная культурно-ценностная единица смыслового пространства повествования – «земная завязь», «пупок на земном животе» (213), в котором часть тела человека предстает как продолжение космического и земного мира, объединяя его верхний, срединный и нижний ярусы.

Добавим к этому, что вместе с топосами-мотивами одиночества, жертвы и страдания, обычно выделяемыми платоноведами, в повесть привнесены и другие смыслы. Писатель, помимо безысходности бытия, изображает едва различимые проявления воли. Герои-степняки Платонова наделены безраздельным ощущением себя малой толикой окружающего мира, неизъяснимого сродства с ним. Обжитое место вместило в себя степные ритмы, житейский уклад и нравственные устои поведения слобожан. Платонов вырабатывает обобщающие смысловые формулы, своеобразные измерения психологии насельников степи.

В «Ямской слободе» жизнь людей практически лишена перемен. События эмоционально однородны и разворачиваются на фоне их остановленного хода. Смысл происшествий отображает антиномичность душевного склада русского человека, отвечающего пространственному образу степи. Два противоположных полюса – поиски вольного хлеба, надежда «на легкую и веселую жизнь» (212) и слабодушие, привычка к терпению – объединены в одно: чувство уныния. Но это только кажущаяся одномерность душевного строя платоновских героев. Символика пространственных образов у Платонова раскрывается через контрастные сочетания в пейзажах разных природных и социальных измерений действительности:

«Макар говорил, что революция как дождь, стороной где-то прошла, а Ямской слободы не тронула, и больше что-то ничего не видать и не слышать: не то все кончилось, не то ливнем льет

над другими местами» (241).

Уже отчасти прокомментированная ситуация с центральным местом степи – ее мифической земной скрепой-пуповиной – может быть истолкована путем сравнения с центром земли в христианской традиции. Чаша служит художественно-религиозным символом мироздания у многих отечественных авторов («чаша бытия» Лермонтова, «сосуд жизни» Гончарова, «чаша жизни» Бунина¹, заглавный образ «Мирской чаши» М. Пришвина), входит в галерею топосов христианской иконографии и мировой словесности. Имея универсальную природу, этот сакральный символ воспринимается как универсальный знак, заменяющий все значения образа-предмета. С его помощью Платонов показывает открытость человека пространству:

«Осень вступила по мягким осыпавшимся листьям и долго хранила землю сухой, а небо ясным. Очищенные от хлеба поля казались прохладной пустотой, и над ними реяли невидимые волосы паутины. Небо сияло голубым дном, как **чаша, выпитая жадными устами** (выделено нами. – А. Д.). И шли те трогательные и потрясающие события, на которых существует мир, никогда не повторяясь и всегда поражая. Ежедневно человек из глубины и низов земли заново открывал белый свет над головой и питался кровью удивительных надежд» (243).

Это начальные моменты выхода человека к отдаленным горизонтам существования, обозначенные образами небесной сферы. На основе таких повторяющихся пейзажных этюдов-размышлений формируются принципы синтеза минувшего и настоящего, живого и мертвого. Связь с бесконеч-

ным степным пространством ощущается платоновскими персонажами изнутри своего расколотого, «темного» сознания. Платоновская антитеза индивидуальных душевных свойств и коллективных, нравственно-национальных оснований бытия выразила идею равенства в страдании.

Выводы. Признавая перспективность мифопоэтического, геофилософского и структурно-семантического методов с присущей каждому из них доказательностью, мы обращаемся к «общим местам», смысловым «сгусткам» повести. Ее внутренний сюжет составили пространственные образы-метафоры, которые возникают из сравнения с истинной целью человеческого бытия. С помощью степных топосов выстроена смысловая структура повести, устанавливается граница между человеком и остальным миром. Связь индивидуальных свойств души героя, кроткого, безответного склада души и духовно-нравственных корней жизни доминирует в модели пространства Платонова. Формы его пространственной мысли – первоначальные элементы вызревания авторской характерологии. Посредством топосов степи он выражает внутреннюю сущность героев, собственное понимание неоднородности русского характера. Преобладание пространственного кода в художественной идеологии писателя определяется важнейшей творческой установкой: жадной познания «горюющей души народа» (А. Платонов).

Литература

- Баршт, К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с.
- Бердникова, О. А. «Наш путь – степной...». Концептуальные образы степи в романе А. Платонова «Чевенгур» / О. А. Бердникова // Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. – Воронеж ; ВГУ, 2004. – С. 94–103.
- Бочаров, С. Г. «Вещество существования». Выражение в прозе / С. Г. Бочаров // Проблемы художественной формы социалистического реализма : в 2 т. Т. II. – М. : Наука, 1971. – С. 310–350.
- Бочаров, С. Г. О кровеносной системе литературы и её генетической памяти / С. Г. Бочаров // Генетическая память литературы. – М. : РГГУ, 2012.
- Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 448 с.
- Гюнтер, Х. Апокалипсис и вечное возвращение: время-пространство у А. Платонова / Х. Гюнтер // По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 84–192.

¹ Н. В. Пращерук называет несколько мифосемантических смыслов топоса-метафоры чаши – от «трансцендентальной формы сосуда», соединенного с мистикой сердца, до символа низших сил природы и «меры жизни», с которой связана «дарованная человеку, земная судьба, жизненный путь страдания и радости» [Пращерук 2013: 183–184].

- Державин, Г. Р. Задумчивость / Г. Р. Державин. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 343.
- Дмитровская, М. А. Панпространственность в художественном мире А. Платонова. Материалы к языку писателя / М. А. Дмитриевская // Семантика русского языка в диахронии : сб. науч. ст. – Калининград : КГУ, 1996. – С. 77–89.
- Дмитровская, М. А. Соотношение категорий места и пространства у А. Платонова / М. А. Дмитриевская // *Etnolingwistyka*. – 1999. – Т. 11. – С. 205–212.
- Дмитровская, М. А. Концепты тоски и скуки у Платонова / М. А. Дмитриевская // Исследования в области когнитивной лингвистики : сб. науч. трудов. – Калининград, 2000. – С. 22–29.
- Дырдин, А. А. Эстетика пространства А. Платонова и неклассическая концепция пространственности / А. А. Дырдин // Андрей Платонов и художественные искания XX века : сб. науч. тр. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 20–27.
- Дырдин, А. А. Пространство и пространственность у А. П. Платонова и Л. М. Леонова: философско-эстетические аспекты / А. А. Дырдин // РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика) : сборник науч. трудов. Вып. VII. – Ульяновск : УлГТУ, 2020. – С. 49–67.
- Замятин, Д. Н. Круглая вечность. Образная геоморфология романа Андрея Платонова «Чевенгур» / Д. Н. Замятин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 5–18.
- Корниенко, Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) / Н. В. Корниенко // Здесь и теперь. – 1993. – № 1. – С. 6–320.
- Корниенко, Н. В. Между Москвой и Ленинградом: о датировке и авантексте «Чевенгура» / Н. В. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 624–678.
- Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. Вып. 11. – Тарту, 1968. – С. 5–50.
- Махов, А. Е. «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики? / А. Е. Махов // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 275–289.
- Нонака, С. Сокровенные тропы: поэтика стиля Андрея Платонова / С. Нонака. – Белград : Логос, 2019 (Севойно: Графичар). – 179 с.
- Огнев А. Н. Апория бытия и мышления в художественном универсуме А. П. Платонова / А. Н. Огнев // Родное и вселенское: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика) : сборник науч. трудов. Вып. VII. – Ульяновск : УлГТУ, 2020. – С. 41–48.
- Панченко, А. М. Топика и культурная дистанция / А. М. Панченко // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – С. 236–250.
- Платонов, А. «... я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов. – М. : Астрель, 2013. – 685 [3] с.
- Платонов, А. Сочинения. Т. I. 1918–1927. Кн. I: Рассказы, стихотворения / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 645 с.
- Платонов, А. Сочинения. Т. II. 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – 869 с.
- Пращерук, Н. В. «Чаша жизни»: о символике архетипического в русской литературе / Н. В. Пращерук // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 1. – С. 183–193.
- Прокофьева, В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы / В. Ю. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 12 (212). – С. 87–94.
- Пыхтина, Ю. Г. К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении / Ю. Г. Пыхтина // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11 (160). – С. 29–35.
- Пыхтина, Ю. Г. Степь как национальный пространственный образ в русской литературе / Ю. Г. Пыхтина // *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications / traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values*. – London : Международная академия наук и высшего образования, 2014. – С. 46–48.
- Распутин, В. Г. Свет печальный и добрый. Об А. П. Платонове / В. Г. Распутин // У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы. – М. : Институт русской цивилизации, 2015.
- Савицкий, П. Н. Степь и оседлость / П. Н. Савицкий // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. вторая. – Москва ; Берлин : Геликонъ, 1922. – С. 341–356.
- Степанов, А. Д. Понятие «топос» – проблема границ / А. Д. Степанов // Мир русского слова. – 2018 – № 2. – С. 41–45.
- Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
- Топоров, В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) / В. Н. Топоров // Язык культуры: Семантика и грамматика. – М. : Индрик, 2004. – С. 12–106.

Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8-ми т. Т. 7: Они сражались за Родину: Главы из романа; Рассказы / М. А. Шолохов. – М. : Худож. лит., 1986. – 559 с.

Яблоков, Е. А. О философской позиции А. Платонова: Проза середины 20-х – начала 30-х годов / Е. А. Яблоков // Russian literature. North-Holland. Amsterdam. – 1992. – Vol. 32. – P. 227–252.

Яблоков, Е. А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) / Е. А. Яблоков // Творчество А. Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. – СПб. : Наука, 2004. – С. 6–15.

Яблоков, Е. А. Четыре километра жизни: Мифопоэтические коннотации лексического поля «Пространство» в рассказе А. П. Платонова «Июльская гроза» / Е. А. Яблоков // Русский язык в школе. – 2017. – № 2. – С. 41–48.

Яблоков, Е. А. «Детская родина» в пространстве и во времени / Е. А. Яблоков // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова. Сборник 4. – М. : ПОЛИМЕДИА, 2019. – С. 158–173.

References

Barshst, K. A. (2000). *Poetika prozy Andreya Platonova* [Poetics of Prose by Andrey Platonov]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. 320 p.

Berdnikova, O. A. (2004). «Nash put' – stepnoi...». Kontseptual'nye obrazy stepi v romane A. Platonova «Chevengur» [“Our Way is Steppe...”. Conceptual Images of the Steppe in the Novel by A. Platonov “Chevengur”]. In *Roman A. Platonova «Chevengur»: avtorskaya pozitsiya i konteksty vospriyatiya*. Voronezh, VGU, pp. 94–103.

Bocharov, S. G. (2012). O krovenosnoi sisteme literatury i ee geneticheskoi pamyati [About the Circulatory System of Literature and Its Genetic Memory]. In *Geneticheskaya pamyat' literatury*. Moscow, RGGU.

Bocharov, S. G. (1971). «Veshchestvo sushchestvovaniya». Vyrazhenie v proze [“Substance of Existence”. Expression in Prose] In *Problemy khudozhestvennoi formy sotsialisticheskogo realizma, in 2 vols. Vol. II*. Moscow, Nauka, pp. 310–350.

Derzhavin, G. R. (1957). *Zadumchivost'* [Pensiveness]. In *Stikhotvoreniya*. Leningrad, Sovetskii pisatel', p. 343.

Dmitrovskaya, M. A. (2000). Kontsepty toski i skuki u Platonova [Platonov's Concepts of Longing and Boredom]. In *Issledovaniya v oblasti kognitivnoi lingvistiki: sb. nauch. trudov*. Kaliningrad, pp. 22–29.

Dmitrovskaya, M. A. (1996). Panprostranstvennost' v khudozhestvennom mire A. Platonova. Materialy k yazyku pisatelya [Pan-Spatialism in the Artistic World of A. Platonov. Materials for the Language of the Writer]. In *Semantika russkogo yazyka v diakhronii: sb. nauch. st.* Kaliningrad, KGU, pp. 77–89.

Dmitrovskaya, M. A. (1999). Sootnoshenie kategorii mesta i prostranstva u A. Platonova [The Ratio of the Categories of Place and Space by A. Platonov]. In *Etnolingvistyka*. Vol. 11, pp. 205–212.

Dyrdin, A. A. (2019). Estetika prostranstva A. Platonova i neklassicheskaya kontseptsiya prostranstvennosti [Aesthetics of A. Platonov's Space and the Non-Classical Concept of Spatiality]. In *Andrei Platonov i khudozhestvennye iskaniya XX veka: sb. nauch. tr.* Voronezh, NAUKA-JuNIPRESS, pp. 20–27.

Dyrdin, A. A. (2020). Prostranstvo i prostranstvennost' u A. P. Platonova i L. M. Leonova: filosofsko-esteticheskie aspekty [Space and Spatiality in A. P. Platonov and L. M. Leonov: Philosophical and Aesthetic Aspects]. In *Rodnoe i vselenskoe: Natsional'noe svoeobrazie i mirovoe znachenie russkoi literatury (estetika, traditsii, etnotopika): sbornik nauch. trudov*. Issue VII. Ulyanovsk, ULGTU, pp. 49–67.

Gachev, G. (1988). *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p.

Gunther, H. (2011). Apokalipsis i vechnoe vozvrashchenie: vremya/prostranstvo u A. Platonova [Apocalypse and Eternal Return: Time-Space by A. Platonov]. In *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 84–192.

Kornienko, N. V. (2005). Mezhdou Moskvoi i Leningradom: o datirovke i avantekste «Chevengura» [Between Moscow and Leningrad: On Dating and Avanttext “Chevengur”]. «Strana filosofov» *Andrey Platonov: Problemy tvorchestva*. Issue 6. Moscow, IMLI RAN, pp. 624–678.

Kornienko, N. V. (1993). Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova (1926–1946) [History of the Text and Biography of A. P. Platonov (1926–1946)]. In *Zdes' i teper'*. No. 1, pp. 6–320.

Lotman, Yu. M. (1968). Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya [The Problem of Artistic Space in Gogol's Prose]. In *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. Issue 11. Tartu, pp. 5–50.

Makhov, A. E. (2011). «Istoricheskaya topika»: razdel ritoriki ili oblast' komparativistiki? [“Historical Topic”: a Section of Rhetoric Or an Area of Comparative Studies?]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 275–289.

Nonaka, S. (2019). *Sokrovennye tropy: poetika stilya Andrey Platonova* [Secret Paths: the Poetics of Andrei Platonov's Style]. Belgrad, Logos. 179 p.

Ognev, A. N. (2020). Aporiya bytiya i myshleniya v khudozhestvennom universume A. P. Platonova [Aporia of Being and Thinking in the Artistic Universe of A. P. Platonov]. In *Rodnoe i vselenskoe: Natsional'noe svoeobrazie i mirovoe znachenie russkoi literatury (estetika, traditsii, etnotopika): sbornik nauch. trudov*. Issue VII. Ulyanovsk, pp. 41–48.

Panchenko, A. M. (1986). Topika i kul'turnaya distantsiya [Topics and Cultural Distance]. In *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, Nauka, pp. 236–250.

- Platonov, A. (2004). *Sochineniya* [Essays]. Vol. I. 1918–1927. Kn. I: Rasskazy, stihotvoreniya. Moscow, IMLI RAN. 645 p.
- Platonov, A. (2013). «... ya prozhil zhizn'»: Pis'ma. 1920–1950 gg. [“... I Have Lived My Life”: Letters. 1920–1950]. Moscow, Astrel'. 685 p.
- Platonov, A. (2016). *Sochineniya* [Essays]. Vol. II. 1926–1927. Povesti, rasskazy, stsennariy, stat'i Moscow, IMLI RAN. 869 p.
- Prashheruk, N. V. (2013). «Chasha zhizni»: o simvolike arkhетипического v russkoi literature [“Chalice of Life»: On the Symbolism of the Archetypal in Russian Literature]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 183–193.
- Prokofeva, V. Yu. (2005). Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Toposes]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12 (212), pp. 87–94.
- Pykhtina, Yu. G. (2013). K probleme ispol'zovaniya prostranstvennoi terminologii v sovremennom literaturovedenii [On the Problem of Using Spatial Terminology in Modern Literary Criticism]. In *Vestnik OGU*. No. 11 (160), pp. 29–35.
- Pykhtina, Yu. G. (2014). Step' kak natsional'nyi prostranstvennyi obraz v russkoi literature [Steppe as a National Spatial Image in Russian Literature]. In *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications/ traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values*. London, : Mezhdunarodnaya akademiya nauk i vysshego obrazovaniya, pp. 46–48.
- Rasputin, V. G. (2015). Svet pechal'nyi i dobryi. Ob A. P. Platonove [The Light Is Sad and Kind. About A. P. Platonov]. In *U nas ostaetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii.
- Savitsky, P. N. (1922). Step' i osedlost' [Steppe and Settlement]. In *Na putyakh. Utverzhdenie evraziitsev*. Kn. vtoraya. Moscow, Berlin, pp. 341–356.
- Sholohov, M. A. (1986). *Sobranie sochinenii: v 8-mi t.* [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 7: Oni srazhalis' za Rodinu: Glavy iz romana; Rasskazy. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.. 559 p.
- Stepanov, A. D. (2018). Ponyatie «topos» – problema granits [The Concept of “Topos” – the Problem of Boundaries]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 41–45.
- Toporov, V. N. (2004). O ponyatii mesta, ego vnutrennikh svyazyakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya) [About the Concept of a Place, Its Internal Connections, Its Context (Meaning, Etymology)]. In *Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika*. Moscow, pp. 12–106.
- Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In *Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, pp. 227–284.
- Yablokov, E. A. (2017). Chetyre kilometra zhizni: Mifopoeticheskie konnotatsii leksicheskogo polya «Prostranstvo» v rasskaze A. P. Platonova «Iyul'skaya groza» [Four Kilometers of Life: Mythopoetic Connotations of the Lexical Field “Space” in the Story of A. P. Platonov “The July Thunderstorm”]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 41–48.
- Yablokov, E. A. (1992). O filosofskoi pozitsii A. Platonova: Proza serediny 20-kh – nachala 30-kh godov [On the Philosophical Position of A. Platonov: Prose of the Mid. 20s – Early 30s]. In *Russian literature. North-Holland. Amsterdam*. Vol. 32, pp. 227–252.
- Yablokov, E. A. (2004). «Padayushchaya bashnya» (O khudozhestvennom prostranstve Platonova) [“The Leaning Tower” (About Platonov's Artistic Space)]. In *Tvorchestvo A. Platonova: Issledovaniya i materialy*. Book 3. Saint Petersburg, Nauka, pp. 6–15.
- Yablokov, E. A. (2019). «Detskaya rodina» v prostranstve i vo vremeni [“Children's Homeland” in Space and Time]. In *Na samoi cherte gorizonta: platonovskie prostranstva. Poetika Andrey Platonova. Sbornik 4*. Moscow, POLIMEDIA, pp. 158–173.
- Zamyatin, D. N. (2005). Kruglaya vechnost'. Obraznaya geomorfologiya romana Andrey Platonova «Chevengur» [Round Eternity. Figurative Geomorphology of Andrey Platonov's Novel “Chevengur”]. In «Strana filosofov» *Andrey Platonova: Problemy tvorchestva*. Issue 6. Moscow, IMLI RAN, pp. 5–18.

Данные об авторе

Дырдин Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Департамента научных исследований и инноваций, Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск, Россия).
Адрес: 432027, Россия, Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.
E-mail: dyrd@mail.ru.

Author's information

Dyrdin Aleksandr Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Senior Research Fellow of Research Department of the Department of Research and Innovation, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russia).

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Marcin Kleban

Jagiellonian University (Krakow, Poland)¹

GLOBAL TRENDS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The intensity of international contacts and encounters caused by globalization has a number of consequences for the humanity; one of them being the popularity of learning foreign languages. The growing need for developing an understanding of others results in a massive drive to enroll in language courses, in many cases leading people to study more than a single language. Studying foreign languages, once the privilege of the elite, has become common and today is widely and easily available to almost everyone. This has been made possible due to a number of factors such as the burgeoning spread of digital technologies or widespread international mobility which makes learning foreign languages easily accessible.

The massification of foreign languages education, the digitization of learning and intensification of global mobility in its physical and digital forms pose a significant number of challenges for language teaching professionals. These challenges concern the issues of designing language courses in such a way as to provide learners with opportunities to participate in multicultural dialogues, accommodating digital language education technologies and developing students' confidence in using them as effective language learning tools and conduits for intercultural and multicultural encounters.

Another challenging task which language teachers have to face is to ensure that schools and universities become places of international collaboration where students can work,

meet and study together with people representing other linguistic and cultural backgrounds. Such collaboration contributes to the development of language skills and the transversal competences which help young people to find their place in the job market and increase their employability skills. The attainment of these goals is made even more challenging if language teachers are to address students' educational needs as regards their personal and professional objectives.

These issues are particularly visible at the university level where there is a growing pressure to provide high quality education which draws on international expertise and experiences and which is delivered in close collaboration with the international community of teachers and researchers. Therefore, language teachers, and especially higher education language teachers, need to be constantly reviewing their educational goals and searching for those teaching strategies that, on the one hand, respond to the requirements of the present and on the other, look forward to the future.

While the task of even outlining all global trends in teaching foreign language is impossible due to the complexity and variety of local contexts and specificity of teaching particular languages, this volume offers an interesting selection of articles which attempt to illustrate what university educators consider to be important trends in foreign language teaching. The present volume puts together a collection of articles written by international authors who describe second and foreign language teaching issues relevant for Russian, Polish, Czech, French and other contexts. Although most of the contributions to this volume con-

¹ Marcin Kleban, Guest Editor, PhD., assistant professor, Institute of English Studies Jagiellonian University (Krakow, Poland).

cern teaching English, the lingua franca of today, we also collected articles which deal with teaching other languages, namely German, French and Russian.

The collected set of article deals with a variety of issues but each of them focuses on a specific aspect of foreign language education. The first batch of the articles illustrates the trend of internationalization of foreign language teaching. In his article Marcin Kleban describes international collaboration between Polish and French learners of English. The project concentrates on the specific roles adopted by English language teachers involved in an international exchange which encompasses physical as well as online mobilities.

In a similar vein, Helena Lohrová and Alena Prošková describe an Erasmus+ project which focuses on the internationalization of language learning and teacher training. Internationalization, one of the key words that define modern university, is a pathway to the development of language and other important skills such as employability.

In their article Ivana Trajanovska and Daria Starkova postulate the inclusion of an intercultural competence component into the syllabus of an English business course. The authors note that alongside the language objectives, such a course needs to be enriched by the intercultural competence component. They argue that the best way of achieving this is to provide students with opportunities for international collaboration.

Similarly, Natalia Sergeeva and Svetlana Tayurskaya suggest that multicultural education should be part and parcel of teaching English to future lawyers. They use a variety of different approaches to develop students' language skills while at the same time sensitizing them to a wide range of culture related issues.

The trend towards personalization of learning and teacher training is evident in Christine Blanchard Rodrigues' article who describes an evaluation study examining the process of training future teachers of French as foreign language. The students' course evaluations point to the need to accommodate their voices in shaping this course in order to make teacher training relevant experience for young people.

The next two articles in this volume bear witness to the trend of employing modern technologies in foreign language teaching.

Elena Makarova and Ekaterina Ivanova describe a blended learning model they used for teaching German as a foreign language. Similarly, Elena Makarova and Irina Pirozkhova, discuss the technique of digital storytelling and consider the impact of this teaching strategy on students' motivation and the development of their communicative competence in English.

The final article in the volume by authors Elena Dziuba and Yuliya Tkachenko is devoted to the problem of using literary texts in teaching Russian as a foreign language, to the adaptation of their form and content in the process of solving linguodidactic problems.

Taken together, the present collection offers an interesting reflection on some of the global trends in foreign language teaching as well as challenges faced by language teachers in the first half of the 21st century. The foreign language teaching trends outlined in this volume reflect some current barriers and challenges to communication experienced by learners and teachers alike. In this sense tracing and documenting global trends in language teaching is not merely a documentation of methodologies but also a timely reflection on a historical moment. The world we live in is characterized by a high degree of fluidity and variability and while many current teaching trends may disappear in the not-too-distant future, it is highly likely that that one trend will stand the test of time: the practice teaching foreign languages will always focus on helping people to communicate across cultural and national barriers.